

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-963-971

Моральная эксклюзия в контексте социальной желательности*

Ж.В. Пузанова, А.Г. Тертышникова

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; tertyshnikova-ag@rudn.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу таких терминов, как социальная и моральная эксклюзия, в контексте эмпирического изучения коллективных представлений. Рассмотрены истоки обоих терминов, а также те социальные группы, которые исторически подвергались исключению в тех или иных социальных сферах. Моральная эксклюзия рассмотрена с точки зрения применимости моральных принципов к тем или иным группам в обществе с точки зрения культурных норм, которые в нем существуют. Мораль операционализирует наше чувство справедливости, определяя, что и кому мы должны, чьи потребности, взгляды и благополучие учитываются, а чьи нет. Наши нормы морали распространяется на людей, которых мы ценим, и определяют, кто находится в пределах нашей сферы справедливости (или «морального сообщества», например, члены семьи и друзья), а кто за его пределами. Исключенные группы рассматриваются как аут-группы, а причиняемые им неудобства и лишения кажутся нормальными, поскольку справедливость по отношению к ним считается неуместной, а нормы морали — неприменимыми. Многие социальные вопросы сводятся к моральным спорам о том заслуживает ли, например, ВИЧ-инфицированный или наркоман той или иной помощи, в том числе государственной. Основной целью исследования стало определение наличия или отсутствия, а также степени моральной эксклюзии определенных социальных групп. Статья базируется на результатах опроса студентов московских вузов, проведенного в 2021 году. Отдельным блоком опроса стала адаптированная версия шкалы социальной желательности Марлоу–Крауна. Был проведен факторный анализ, который позволил определить наиболее влиятельные факторы для студентов в вопросах морального исключения тех или иных групп. Ответы студентов были проанализированы и с точки зрения готовности давать социально желательные ответы на сензитивные вопросы. Группы, которые предлагались для оценки респондентам, были определены в ходе фокус-групп и не являются в полной мере делинквентными или стигматизированными, т.е. важен сам факт исключения студентами представителей определенных групп из членов своего личного нравственного сообщества.

Ключевые слова: социальная эксклюзия; моральная эксклюзия; анкетный опрос; студенческая молодежь; сензитивные вопросы; ЛГБТ; ВИЧ-инфицированные

Проблематика социальной эксклюзии (исключения) берет свое начало с 1974 года, когда это понятие было впервые употреблено французским государственным секретарем по вопросам социальной политики Р. Ленуаром.

* © Пузанова Ж.В., Тертышникова А.Г., 2022

Статья поступила 15.07.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

В число «исключенных» вошла десятая часть населения: умственно и физически неполноценные, склонные к суицидальному поведению, престарелые инвалиды, дети, подвергшиеся насилию, наркоманы, правонарушители, родители-одиночки (особенно матери), маргиналы, асоциальные личности, которые считались уязвимыми, но оставались за рамками системы социального страхования, поскольку правительство включало в нее только тех, кто имел оплачиваемую работу или состоял в барке с человеком, имеющим таковую. В результате увеличивался круг людей, которые оставались на попечении церкви и благотворительности и подвергались социальному исключению [8. С. 532]. Зачастую в теориях понятие эксклюзии переплетается с понятием бедности, но эксклюзия — это процесс, а бедность — скорее результат. Исключение происходит не столько по принципу бедности, сколько с точки зрения возраста, инвалидности, сексуальной ориентации и целого ряда других факторов и в абсолютно разных сферах — социальной, экономической, политической.

Более узким понятием является моральная эксклюзия. Концепция морального включения/исключения имеет более чем двадцатилетнюю историю, однако исследователям до сих пор не хватает точных инструментов ее измерения. В основе исследований моральной эксклюзии и способов ее сдерживания лежат такие понятия, как «моральные ценности», «моральное общество», «справедливость/несправедливость», «моральные границы», «социальное включение/исключение».

Люди чувствуют себя обязанными вести себя в соответствии с важнейшими нравственными принципами и правилами справедливости только с теми, кого считают членами своего личного нравственного сообщества, т.е. это сообщество окружено моральными границами [1; 10]. Право на справедливое обращение и право на поддержку и помощь признаются и уважаются членами морального сообщества в пределах личной сферы справедливости. Если лицо или группа исключены из личной сферы правосудия, аморальные или несправедливые действия по отношению к ним становятся приемлемыми или даже желательными, поэтому моральная эксклюзия может быть предпосылкой тяжелых форм дискриминации и насилия [2; 3]. Геноцид, рабство, смертная казнь, аборт — в каждом случае стоит вопрос о том, кто исключается и какими принципами руководствуется индивид или группа, подвергая моральной эксклюзии ту или иную социальную группу, поскольку в каждой культуре критерии исключения основываются на определенных ценностях.

Наличие или отсутствие моральной эксклюзии по отношению к ряду групп стало предметом нашего исследования. Были выбраны следующие группы: педофилы, наркоманы, представители ЛГБТ, ВИЧ-инфицированные, люди с расстройством пищевого поведения (РПП) (к симптомам пищевых расстройств относится, например, опасно малое или, наоборот, чрезмерное употребление пищи, искусственное вызывание рвоты или навязчивая физическая активность), люди, занимающиеся сэлфхармом (нанесение себе порезов,

ожогов, ударов, намеренный отказ от пищи или воды, навязчивое стремление выдергивать волосы на голове и теле — трихотилломания), расцарапывание кожи — дерматилломания), контакт с горячими предметами) и феминистки. Этому предшествовали проведенные ранее исследования по вопросам социальной эксклюзии и серия фокус-групп, в рамках которых участникам было предложено назвать те группы, которые с их точки зрения подвергаются моральной эксклюзии. Несмотря на то, что перечисленные группы кажутся неоднозначными и выделенными не по одному основанию, речь шла именно о моральной эксклюзии, а не о традиционно выделяемых девиантных, делинквентных или стигматизированных группах.

Опрос был проведен с июля по октябрь 2021 года среди студентов трех университетов: МГУ, НИУ ВШЭ и РУДН. В опросе приняли участие 1500 респондентов — по 500 человек из каждого университета. На первой ступени построения выборки был использован критерий распределения генеральной совокупности по направлениям подготовки — естественного-научного, технического и гуманитарного профиля, а также по численности обучающихся на факультетах. На второй ступени проводился вероятностный отбор респондентов с первого курса бакалавриата до второго курса магистратуры.

Важным моментом являются факторы, которые потенциально могли оказать влияние на наличие/отсутствие моральной эксклюзии в отношении исследуемых групп. Фактор «пол» стал одним из самых влияющих на склонность к моральной эксклюзии. Наиболее выражено его влияние на такие группы, как наркоманы, феминистки и люди, занимающиеся сэлфхармом, небольшая зависимость наблюдается в отношении людей с РПП и ВИЧ-инфицированных. Общая закономерность заключается в том, что женщины проявляют наибольшую терпимость. По фактору «ВУЗ» наиболее лояльними по отношению к исследуемым группам стали студенты РУДН. Чаще всего склонность к эксклюзии проявляют студенты МГУ, а учащиеся ВШЭ в большей степени эксклюзируют только ВИЧ-инфицированных. Воздействие фактора «Направление обучения» на склонность к моральной эксклюзии обнаруживается только в отношении феминисток; обучающиеся на технических специальностях проявляют наименьшую терпимость к представителям данной группы. Фактор «Курс обучения» оказывает влияние на степень проявления моральной эксклюзии к представителям ЛГБТ-сообщества и наркоманам, и наблюдаемые зависимости ровно противоположные: по отношению к ЛГБТ-сообществу наименьшую терпимость проявляют студенты специалитета пятого курса и магистратуры, а по отношению к наркоманам — обучающиеся на первых двух курсах.

Фактор «Федеральный округ, в котором вырос студент» оказывает воздействие на уровень моральной эксклюзии по отношению к людям с РПП и наркоманам; люди, выросшие в Центральном федеральном округе более лояльны, чем те, кто воспитывался в других округах. Влияние фактора

«Доверие СМИ» можно наблюдать при рассмотрении моральной эксклюзии лишь к представителям ЛГБТ-сообщества: с ростом доверия к СМИ уменьшается лояльность к ним. Зависимость уровня моральной эксклюзии от фактора «Религиозность» присутствует в отношении феминисток и людей, занимающихся сэлфхармом: менее лояльны придерживающиеся какой-либо религии.

В результате анализа данных можно говорить о зависимости степени моральной эксклюзии феминисток и педофилов от фактора «Кинематография»: люди, предпочитающие работы российского кинематографа, склонны выражать меньшую лояльность, что можно объяснить моральными ценностями, продвигаемыми в данных картинах. Такая закономерность наиболее сильно прослеживается по отношению к феминисткам.

Фактор «Политическая активность» оказал значительное влияние только на отношение к педофилам и представителям ЛГБТ-сообщества — наибольшую склонность к эксклюзии проявляют политически активные люди, в частности, реальные и потенциальные участники митингов и демонстраций. Фактор «Политические взгляды» является одним из наиболее воздействующих на склонность к моральной эксклюзии по отношению ко всем исследуемым группам, кроме людей с РПП и педофилам. Среди остальных групп присутствует следующая закономерность: люди, придерживающиеся консервативных политических взглядов, в большей степени подвергают моральной эксклюзии их представителей; наиболее лояльны в большинстве случаев люди либеральных взглядов.

Таким образом, факторами, оказывающими наибольшее влияние, стали «Пол» и «Политические взгляды», а факторы «Воспитание», «Предпочтения СМИ» и «Частота обращения к СМИ» не оказали влияния на степень моральной эксклюзии. Была построена схема, которая наглядно демонстрирует наиболее весомые факторы (Рис. 1).

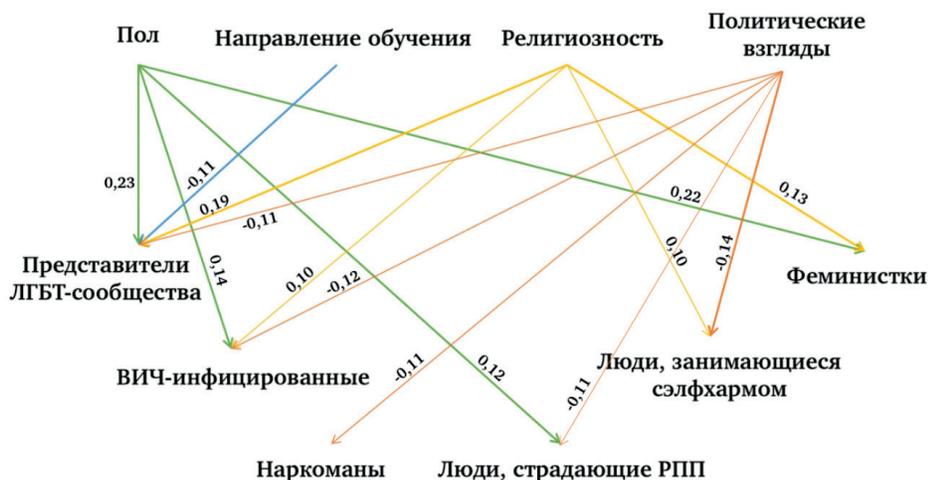

Рис. 1. Влияние социальных факторов на склонность к моральной эксклюзии

По каждой из исследуемых групп был задан ряд вопросов, ответы на которые в дальнейшем были перевзвешены. На основе полученных данных было проведено ранжирование групп по степени моральной эксклюзии. Шкала, используемая в рамках каждого вопроса (100 % в абсолютном выражении), была разделена на пять равных промежутков, в соответствии с которыми группам назначалось от 0 до 4 баллов. На основе полученных баллов рассчитывался процент степени морального отчуждения (количество полученных баллов от количества возможных для данной группы). В каждом вопросе в зависимости от процента наличия моральной эксклюзии группе назначалось от 0 до 4 баллов: 0 баллов, если процент наличия эксклюзии находится в промежутке от 0 до 19; 1 балл — в промежутке от 20 до 39; 2 балла — от 40 до 59; 3 балла — от 60 до 79; 4 балла — в промежутке 80 до 100. Затем для каждой группы рассчитывался процент степени эксклюзии (количество полученных баллов от количества возможных для группы). В сводной Таблице 1 приведены данные по каждой из групп.

Таблица 1

Баллы и процент степени эксклюзии исследуемых групп

Группа	Баллы	Процент
Наркоманы	6/16	37,5
Представители ЛГБТ	2/12	16,7
Педофилы	9/12	75
Феминистки	2/12	16,7
Люди с ВИЧ	1/16	6,25
Люди с РПП	2/16	12,5
Сэлфхарм	3/12	25

В результате ранжирования групп были выведены три степени моральной эксклюзии: низкая — в эту категорию вошли ВИЧ-инфицированные с самым низким процентом степени эксклюзии (6,25 %) и люди с РПП (12,5 %); средняя — в эту категорию вошли феминистки и представители ЛГБТ-сообщества с одинаковым процентом степени эксклюзированнойности (16,7 %), а также люди, занимающиеся сэлфхармом (25 %); высокая — самыми эксклюзированнойными группами оказались педофилы (75 %) и наркоманы (37,5 %). Ранжирование показывает, что наивысшая степень эксклюзии наблюдается относительно педофилов, а наименее подвергнуты моральному исключению носители ВИЧ-инфекции. Рассмотрим подробнее две группы, которые в большей степени подвержены моральной эксклюзии.

В рамках исследования проективный вопрос, который был задан об отношении к педофилам, звучал следующим образом: «Представьте, что 16-летняя девушка заявляет, что подверглась насилию со стороны ее совершеннолетнего парня, но доказательств она не может предоставить. Считаете ли Вы справедливым привлечение молодого человека к ответственности?». В формулировке вопроса намеренно был указан возраст 16 лет — так называемый возраст сексуального согласия. Тем не менее 60 % опрошенных студентов считают справедливым привлечение молодого человека к ответственности (42 % мужчин и 74 % женщин). Далее следовал вопрос «Поддержите ли Вы оправдательный приговор молодому человеку, речь о котором шла в предыдущем вопросе, в виду отсутствия доказательств?». Тут мы получили две диаметрально противоположные позиции: 50,1 % респондентов поддержат оправдательный приговор, 49,9 % будут продолжать настаивать на незаконном поведении педофила в данной ситуации; 62,9 % респондентов мужского пола и 40,1 % женского пола поддержат оправдательный приговор. Если посмотреть распределение по университетам, то наименее лояльно к педофилам относятся студенты, обучающиеся в РУДН, а студенты ВШЭ и МГУ в меньшей степени склонны эксклюзивировать данную группу. При этом курс обучения роли не играет — распределение абсолютно равномерное, и нет разницы в том, фильмы какого производства предпочитают смотреть респонденты. Высокий уровень эксклюзии педофилов может быть связан с восприятием поведения представителей этой группы как априори аморального.

Аналогичная ситуация наблюдается при рассмотрении группы наркозависимых: ее высокая степень эксклюзии обусловлена тем, что аддиктивное поведение наркозависимых воспринимается как общественно-опасное и поэтому требующее морального исключения. Респондентам была задан вопрос «Представьте себе ситуацию, в рамках которой человек крадет лекарства из аптеки для своего больного родственника. Какое отношение Вы бы проявили в данной ситуации, если бы знали, что данный человек наркоман?». Отношение к наркоманам замерялось через призму помощи больному родственнику (в противовес украденному лекарству для собственного употребления). 51,9 % опрошенных высказали отрицательное и скорее отрицательное отношение, чуть более трети (32,8 %) отнеслись к ситуации нейтрально; распределение по полу идентично (52 % мужчин и женщин в большей степени склонны проявлять отрицательное отношение).

Далее следовал вопрос «Как Вы отнесетесь к тому, что у наркомана, у которого была всего одна доза, привлекли к уголовной ответственности, что противоречит УК РФ?». Среди мужчин наиболее популярным стало проявление отрицательного отношения (45,5 %). Так же ответили и женщины, среди которых не будут поддерживать данный приговор 42,6 %. Каждый четвертый мужчина и каждая пятая женщина согласились бы с тем, чтобы наркоман был привлечен к уголовной ответственности. Заключительным вопросом

этого блока стал: «Допустим, Вы узнали, что Ваш знакомый страдает наркотической зависимостью, но он проходит реабилитацию от нее. Продолжили ли Вы общение с ним?». Прохождение реабилитации должно было стать смягчающим моментом в проявлении эксклюзии. Как среди женщин (48,6%), так и среди мужчин (40,3%), респонденты чаще будут продолжать общение с наркоманом, проходящим реабилитацию; 28,6% мужчин и 18% женщин прервут и скорее прервут отношения с ним.

Чтобы оценить, насколько респонденты обеспокоены социальным одобрением своего поведения, использовалась шкала социальной желательности. Опросник состоит из 33 утверждений, с которыми респонденты должны выразить согласие или несогласие. Большое количество социально желательных ответов демонстрирует, что опрошенный сильно озабочен соответствием общественным традициям, особенно одобряемых обществом, в то время как низкое количество социально желательных выборов говорит о наибольшей правдивости и непредвзятости ответов. Исследования, в которых использовалась данная шкала, показывают большое влияние социальной желательности в ответах на сензитивные вопросы, в первую очередь касающиеся наркотиков, алкоголя, психиатрических проблем и негативной оценки поведения тех или иных социальных групп.

Шкала социальной желательности (или шкала потребности в одобрении) Марлоу-Крауна помогает отследить эффект социальной желательности — этот эффект описывает предвзятость респондентов и тенденцию преувеличивать собственные положительные качества, которые, по мнению респондента, будут позитивно оценены окружающими. В исследовании такой феномен может создавать сильные искажения в получаемых данных. Таким образом, можно говорить о связи социальной желательности с ценностным отношением респондента к миру, проявляющимся в общественно одобряемых тенденциях межличностных отношений (дружелюбие, альтруизм, активность).

В России шкала Марлоу-Крауна была сокращена с 33 утверждений до 20 и стандартизирована с последующей проверкой надежностей Ю.Л. Ханиным. В нашем исследовании шкала социальной желательности была сведена к двум показателям: высокая и низкая социальная желательность, и вопросы, которые были заданы респондентам, пересекались со степенью социальной желательности. Ключевой вопрос, в рамках которого производился замер в отношении всех исследуемых групп, звучал следующим образом: «Считаете Вы или не считаете представителя данной группы недостойным членом общества?». На Рисунке 2 приведены ответы респондентов в зависимости от степени социальной их желательности. Так, мы видим, что разница в процентном соотношении крайне мала. Возможно, это вызвано тем, что современное российское общество поощряет моральную эксклюзию данных групп. Соответственно, выдвинутая гипотеза о влиянии социальной желательности на получаемый результат не подтвердилась.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Считаете Вы или не считаете представителя данной группы недостойным членом общества?» («считаю» + «скорее считаю»)

В заключение следует отметить, что проблема моральной эксклюзии не теряет актуальности. Представляя собой динамичный социальный процесс, моральное исключение обществом индивидов и социальных групп требует постоянного изучения, поскольку с течением времени может меняться не только отношение к тем или иным группам, но и эксклюзируемые группы могут как появляться, так и сходить на нет.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках государственного задания № 075-00167-20-03 «Социогуманитарные основы противодействия экстремизму»

Библиографический список/References

1. Deutsch M. Psychological roots of moral exclusion. *Journal of Social Issues*. 1990; 46 (1).
2. Narbut N.P., Puzanova Zh V., Larina T.I., Tertyshnikova A.G. Exclusion measurement of different social groups: Methodological preliminary work and empirical results. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*. 2019; 8 (5).
3. Opatow S. Moral exclusion and injustice: An introduction. *Journal of Social Issues*. 1990; 46 (1).
4. Opatow S., Weiss L. Denial and the process of moral exclusion in environmental conflict. *Journal of Social Issues*. 2000; 56.
5. Passini S., Villano P. Justice and immigration: The effect of moral exclusion. *International Journal of Psychological Research*. 2018; 11 (1).
6. Peace R. Social exclusion: A concept in need of definition? *Social Policy Journal of New Zealand*. 2001; 16.
7. Selman B. Children and social exclusion: Morality, prejudice, and group identity. *Journal of Moral Education*. 2013; 42 (2).
8. Silver H. Social exclusion and social solidarity: Three paradigms. *International Labor Review*. 1994; 133.
9. Silver H. The Process of Social Exclusion: The Dynamics of an Evolving Concept. Working Paper 95. Manchester; 2007.

10. Singer P. *The Expanding Circle: Ethics and Sociobiology*. Oxford University Press; 1981.
11. Staub E. Moral exclusion, personal goal theory, and extreme destructiveness. *Journal of Social Issues*. 1990; 46 (1).
12. Thambisetty S. Understanding morality as a ground for exclusion from patentability under European law. *Eubios: Journal of Asian and International Bioethics*. 2002; 12 (2).
13. Tileaga C. Ideologies of moral exclusion: A critical discourse reframing of depersonalization, delegitimization and dehumanization. *British Journal of Social Psychology*. 2007; 46.
14. Tileaga C. *The Nature of Prejudice: Society, Discrimination and Moral Exclusion*. Routledge; 2015.
15. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” Is much more challenging task. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (4).
16. Zhong L. Exclusion in morality. *Grazer Philosophische Studien*. 2016; 93 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-963-971

Moral exclusion in the context of social desirability*

Zh.V. Puzanova, A.G. Tertyshnikova

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; tertyshnikova-ag@rudn.ru)

Abstract. The article considers such terms as social and moral exclusion in the context of the empirical study of collective representations. The authors define the origins of both terms and name those social groups that have historically been subject to exclusion in certain social areas. Moral exclusion is considered in terms of the applicability of moral norms to certain groups provided the cultural norms that exist in the society. Morality operationalizes our sense of justice by defining what and to whom we owe, whose needs, views and well-being are considered and whose are not. Our moral standards are applied to the people we value, and define those within our sphere of justice (or ‘moral community’, such as family members and friends) and those outside it. The excluded groups are considered as out-groups, and their inconveniences and deprivations seem normal, since in relation to them, justice seems inappropriate and moral norms inapplicable. Many social issues cause moral disputes about whether, for instance, an HIV-infected or drug addict deserves help especially from the state. The study aimed at identifying the presence or absence and the degree of moral exclusion of certain social groups. The article is based on the results of the survey of Moscow students conducted in 2021. A special block of the questionnaire consisted of the adapted version of the Marlow-Crown social desirability scale. The factor analysis allowed to identify the most influential factors of moral exclusion of certain groups for students, and the answers were analyzed in terms of readiness to give socially desirable answers to sensitive questions. The considered groups were chosen during focus groups and are not fully delinquent or stigmatized, i.e., the most important fact is whom the students exclude from the members of their personal moral community.

Keywords: social exclusion; moral exclusion; questionnaire survey; student youth; sensitive questions; LGBT, HIV-infected

Funding

The article was prepared within the framework of the state task No. 075-00167-20-03 “Social-humanitarian foundations for countering extremism”.

* © Zh.V. Puzanova, V.M. Filippov, T.I. Larina, M.A. Simonova, 2022

The article was submitted on 15.07.2022 г. The article was accepted on 03.10.2022 г.